

Чу Тань стоял в кабинете куратора. Преподаватели то и дело бросали на него украдкой заинтересованные взгляды, однако сам юноша сохранял абсолютную невозмутимость, молча дожидаясь, что ответит куратор Чжан на его просьбу о переселении.

Наставница окинула его озадаченным взглядом. За тот год с лишним, что она знала Чу Таня, юноша зарекомендовал себя как человек кроткий и неконфликтный. Он всегда старался никому не обуживать и не создавать лишних хлопот. Если уж он решился на подобную просьбу, то причиной явно стало что-то из ряда вон выходящее.

— Тань-эр, могу я узнать, с чем связан твой переезд?

Куратора Чжан не покидало смутное беспокойство. И тревога лишь усилилась, когда она заглянула в списки общежития и увидела имя Цзинь Цзяньсина.

Разумеется, Чу Тань не из тех парней, кого можно легко задеть или обидеть. Внешне холодный и отстранённый, он обладал невероятно сильным характером и никогда не давал себя в обиду. А вот Цзинь Цзяньсин... Цзинь Цзяньсин был его полной противоположностью! В обычном состоянии — ладно, но когда его переклинивало...

Если судить объективно, Чу Тань вряд ли уступил бы ему в стычке. Но что, если причина кроется в чём-то совсем ином?..

— Преподаватель Чжан, ничего особенного не произошло, — без колебаний отозвался Чу Тань.
— Это исключительно моя личная инициатива.

Со стороны он выглядел послушным и рассудительным, будто и впрямь просто решил сменить комнату. Собственно, так оно и было.

Цзинь Цзяньсин действительно не сделал ему ничего дурного. Чу Тань всего лишь передал ему трусы. Всего лишь случайно оказался притянут к нему вплотную. Всего лишь очутился в каких-то миллиметрах от губ, к которым его так удерживаемо тянуло... И вместе с тем — едва не столкнулся лицом к лицу с вещицей куда более смущающей и невыразимой, чем губы Цзинь Цзяньсина: с настоящим «термосом и большим чайником»...

— Хорошо.

Больше куратор Чжан расспрашивать не стала. Университет Б всегда славился чутким отношением к студентам. Преподаватель протянула Чу Таню бланк заявления на смену комнаты в общежитии и пояснила:

— Прикрепишь фотографию размером три на четыре, заполнишь все графы и занесёшь мне. После этого тебя сразу переселят.

Чу Тань поблагодарил её и вышел из кабинета. Фотографии при себе не было, придётся возвращаться за ней в комнату.

Едва переступив порог корпуса, юноша замешкался. Метрах в десяти от входа в учебное здание стоял Цзинь Цзяньсин.

Чу Тань замер.

Трудно было сказать, сколько именно тот его прождал. Сегодня Цзинь Цзяньсин выглядел совсем не так вычурно, как в предыдущие дни: он вернулся к своему привычному стилю. На нём была тёмно-зелёная ветровка, чёрная водолазка, тёмно-коричневые брюки-карго и массивные мотошлемы. Ветровка расстёгнута, руки в карманах, ноги от ушей — вид внушительный и подавляющий.

Он стоял молча и неподвижно, будто насквозь видел намерения Чу Таня и несколько не удивлялся его визиту к куратору. Будто весь этот ход был заранее им просчитан.

Цзинь Цзяньсин до сих пор в деталях помнил вчерашнее: когда он сгоряча притянул Чу Таня к себе, его собственное сердце заколотилось с безумной частотой. Тело охватил жар, а тот самый «младший брат» в штанах вопреки логике взбунтовался и безапелляционно упёрся во все преграды...

А Чу Тань, зажатый в его объятиях, с обжигающим влажным паром на коже, уставился на него своими изумительными глазами с поволокой. За тонкой оправой элегантных очков блестела влага, а щёки и кончик носа медленно наливались нежным румянцем...

В следующее мгновение белая резиновая перчатка, которую Чу Тань держал в зубах, выскользнула и упала на пол. Лоскут яркой ткани, зацепленный за указательный палец, заскользил... Чу Тань попытался сгрести его в кулак, но не удержал.

В порыве смущения и гнева он просто швырнул этот сомнительный кусок материи Цзинь Цзяньсину прямо в лицо. Ткань соскользнула по мокрому рельефному торсу атлета аккуратно на возделенную зону, где Цзинь Цзяньсин и успел её перехватить.

Всё это время они не сводили друг с друга глаз. И в момент, когда Цзинь Цзяньсин подхватил импровизированный фиговый листок, оба взгляда невольно скрестились на той самой выпуклости.

Тогда-то терпение Чу Таня окончательно лопнуло.

С той же силой и той же хваткой, с какой Цзинь Цзяньсин не так давно притянул его к себе, Чу Тань выдернул соперника из душевой, сам прошмыгнул внутрь и с оглушительным треском захлопнул дверь.

Оставив обнажённого, разгорячённого, с бьющимся как бешеный молот сердцем Цзинь Цзяньсина стоять снаружи в одних трусах... и обдуть тлеющие чувства холодным сквозняком.

Поэтому сегодняшнему появлению Чу Таня у куратора Цзинь Цзяньсин несколько не удивился.

Тем временем экран его телефона разрывался от сообщений Янь Цзыцзиня, просчитавшего эту ситуацию на шаг вперёд:

[Цзиньмань Тянься: На основе математических вычислений, расклада Таро и симуляции ситуаций я вывел основные причины столь нетипичного поведения Чу Таня!]

[Цзиньмань Тянься: Первое. По законам логики, если человек ко всем относится с душой и лишь одного обходит теплом, тут два варианта: либо он этого человека искренне ненавидит, либо питает к нему особые чувства. Включая, но не ограничиваясь: влюбленность, желание привлечь внимание, продуманную провокацию, игру в недоступность и так далее...]

[Цзиньмань Тянься: Второе. Конечно, есть и исключения. Существует категория людей с холодным фасадом и горячим сердцем. Они привыкли прятать эмоции и замыкаться в себе, боясь взглянуть в лицо собственным чувствам. Чем сильнее им чего-то хочется, тем яростнее они это отрицают.]

[Цзиньмань Тянься: К примеру, в глубине души они ужасно одиноки и жаждут завести друзей. Но из-за социальной тревожности, прошлых травм или психологических блоков надевают маску самодостаточности, делая вид, будто им никто не нужен. Они прячут уязвимость за неприступной броней.]

[Цзиньмань Тянься: И если перенести эту модель на конкретного человека, результатом станет побег.]

[Цзиньмань Тянься: Следовательно, твой вывод о том, что Чу Тань ко всем мил, а от тебя воротит нос, интерпретируется иначе! Велика вероятность, что он жаждет стать твоим другом — настоящим близким другом. Но чем сильнее это желание, тем дальше он от тебя закрывается.]

[Цзиньмань Тянься: Он дистанцируется не из антипатии. Напротив, демонстративный побег для него — единственный способ добиться твоего внимания и сойтись с тобой.]

[Цзиньмань Тянься: Он вечно один, потому что слишком долго пребывал в изоляции. Он хочет протянуть руку, но боится сделать первый шаг. Хочет внимания, но сам же отгораживается. Это противоречиво, но вполне естественно — словно математическая теорема с сотнями переменных и констант...]

[Брат Син: Говори по-человечески!]

[Цзиньмань Тянься:... Короче, суть ты понял. Но сделаю оговорку: все эти выкладки верны лишь при условии, что Чу Тань — убеждённый гетеросексуал. Если нет — теория рушится, начинаем заново...]

Дальнейший бред Цзинь Цзяньсин читать не стал. Янь Цзыцзиня снова понесло в дебри: Великая теорема Ферма, переменные, константы... Цзинь Цзяньсин лишь раздражённо смахнул уведомление.

Главное он уже уяснил.

И в одном Янь Цзыцзинь точно не ошибался.

Чу Тань не обязательно питал к нему отвращение. В последние дни тот не просто отсаживался подальше — в его поведении прослеживалась странная, дразнящая динамика: то оттолкнёт, то подпустит.

К тому же, зная характер Чу Таня, Цзинь Цзяньсин понимал: тот не стал бы бездумно вешать на человека ярлыки. Значит, прежняя версия — будто Чу Тань возненавидел его, увидав уличную драку, — не выдерживала никакой критики.

Оставался только второй вариант!

А если прибавить сюда то, как тщательно Чу Тань обычно скрывал свои эмоции, его бурную реакцию и побег при виде «младшего брата»...

Сомнений не оставалось. Вариант номер два!

Чу Тань его не ненавидел. Чу Тань хотел стать его другом. Чу Тань был безумно одинок, страдая от изоляции. Чу Тань нуждался в нём!

И сегодня юноша пришёл к куратору, чтобы сменить комнату, ровно по той же причине, по которой избегал его всё это время.

Всё потому, что он слишком сильно хотел подружиться, но понятия не имел, как выразить свои чувства, а потому провоцировал и дистанцировался, лишь бы привлечь его внимание!

Придя к этому судьбоносному выводу, Цзинь Цзяньсин окончательно утвердился в своем решении. Широким, уверенным шагом он направился напрямик к Чу Таню.

Глядя на приближающегося атлета, Чу Тань понял: этот момент всё же настал.

Он вовсе не стремился играть в прятки и уж тем более не хотел разозлить Цзинь Цзяньсина. Но против физиологии не попрёшь. У него просто не оставалось выбора.

Чу Тань чувствовал, что находится на пределе. Продолжай они жить бок о бок, и он окончательно потеряет контроль: начнёт страстно желать чужих губ, алкать прикосновений, бредить поцелуями...

И пусть теперь Цзинь Цзяньсин злится или затаит обиду — иного выхода из тупика не существовало.

Чу Тань вобрал взглядом силуэт приближающегося юноши. В последний раз. На мгновение замер на очертаниях его губ, мысленно провёл по их безупречному контуру, коснулся едва заметных складочек, задержался на ложбинке... пока густой алый цвет не затопил всё сознание.

В первый и в последний раз.

Но когда Цзинь Цзяньсин, нависая над ним всей своей внушительной фигурой, остановился в шаге, Чу Тань всё же содрогнулся.

Главный бунтарь университета Цзинь Цзяньсин... неужели он решит распустить руки?

А если ударит... стоит ли отвечать? И если ответить, хватит ли сил с ним сладить?..

Цзинь Цзяньсин застыл напротив. Чу Тань остался неподвижен, кротко глядя на подошедшего.

И когда спортсмен вскинул руку и занёс её над ним — так, будто в следующую секунду кулак врежется ему прямо в лицо, — невозмутимый Чу Тань лишь медленно прикрыл глаза, готовый принять неизбежное.

Чу Тань смежил веки, смиренно приготовившись к удару.

Но Цзинь Цзяньсин просто развёл руки в стороны...

И сгреб его в крепкие, горячие объятия.